

ПРОБЛЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, ВАРЬИРОВАНИЯ И ПАРАДИГМАТИКИ МОДЕЛЕЙ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена узловым вопросам представления моделей простого предложения как эмических сущностей языка. Она может быть полезна как для лингвистов - теоретиков, работающих в области тюркологии, так и для аспирантов и преподавателей – языковедов.

В настоящей статье мы ставим своей целью обратиться к конкретным проблемам систематического представления конкретных моделей простого предложения тюркских языков. Для нас важно представлять их как систему единиц языка. Для этого необходимо решить ряд проблематичных вопросов, прежде всего, проблему символической записи формул моделей изучаемых типов предложений.

В современной лингвистике в основу символики, используемой для представления структурных моделей предложения, положены «частеречные», т.е. исходно морфологические символы «классов слов», предложенные английским лингвистом и методистом Ч.Фризом: N - имена (т.е. существительные и их функциональные аналоги), V- глаголы, A –прилагательные, Д или Adv- наречия. В контексте синтаксического описания эти символы естественным образом переосмысляются под функциональным углом зрения: N становится символом актанта, V – с дескриптором $f-V_f$ (verbum finitum) – символом сказуемого (или его вербального компонента). Но очевидно, что эта переориентация не ограничивается подобным семантическим сдвигом. Она предполагает использование «своих» дескрипторов, своих знаков для синтаксических связей, для группировок форм в случаях типа составного (именного)сказуемого, а в некоторых языках и для бессвязочных предикативных форм.

На начальном этапе нашего исследования, когда впервые выявляются основные модели уйгурского языка, важно «увидеть» и зафиксировать их любыми подручными средствами. Заметим попутно, что одно из таких средств – принцип вопросов, задаваемых от предиката, бесспорного конструктивно-семантического центра предложения, - само по себе можно рассматривать как одну из возможностей моделирования, особенность которой состоит в ее «открытой» семантической ориентации на пропозиции. Но ближайшая следующая задача потребует рационального контроля за самими этими средствами, и думать об этом пора уже сейчас. Каждый, кто пользуется формулами структурных моделей предложений и других синтаксических единиц, - а тем более те, кто эти формулы строит, - все мы должны рефлексировать свой строительный материал, - символы, дескрипторы, стрелки и скобки и т. д.: всегда ли они однозначны, все ли необходимы, достаточны ли они, чтобы явным образом охарактеризовать все синтаксически релевантные признаки описываемого объекта, отличить его, ограничить от всех других.

Очень непростой комплекс вопросов связан с реализацией постулата о двусторонней природе модели предложения как знаковой единицы языка. В данном случае мы не имеем в виду билатеральную концепцию знака в ее противопоставленности монологической концепции. Даже с позиций монологической концепции знак может быть признан таковым лишь при неременном условии соответствия ему некоторого смысла. Без апелляции к смыслу не может быть выделен не только знак, но и фигура выражения.

По отношению к знакам – морфемам и лексемам (словам), форма которых фиксируется относительно «натурально», семантика, в принципе, формируется в словах обычного языка и фиксируется в «правой части» словарной статьи, т.е. в толковании. К сожалению, словарей морфем у нас пока нет, но смысл грамматических показателей всегда можно извлечь из грамматических описаний, а словообразовательных средств - из работ по словообразованию, где они тоже описываются в общем языке.

Содержания же синтаксических единиц языка, и прежде всего – синтаксические смыслы, связанные с определенными структурными моделями, до сих пор, насколько мы представляем себе, не было еще предметом специального целенаправленного изучения и описания в уйгуроведении и тюркологии вообще. Это может вызвать возражения, связанные с тем, что семантический синтаксис в последние годы стал одним из наиболее развиваемых направлений исследования. Но сфера интересов, проблем этого направления широка и многогранна, мы же сейчас имеем в виду один, очень конкретный вопрос: выявление, формирование – а затем и символическую запись тех конкретных синтаксических смыслов, которые «принадлежат» или «соответствуют» вполне определенным структурным моделям данного языка. Эту мысль можно сформулировать и иначе: речь идет о системном, лаконичном, «формализованном» представлении пропозиций, соотнесенных с каждой выделенной структурной моделью. Это проблема сохранения и выживания языка в целом. Несомненно, она вызывает большой интерес и принадлежит к числу актуальных проблем современного уйгуроведения и тюркологии.

Как нам представляется, такие описания, «отражения» смыслов моделей, полностью освобожденные от всего, что связано с лексическим наполнением фраз, построенных по данному образцу, на данном этапе не могут выполняться никак иначе, кроме как в обычном для лингвистики языке. Однако своеобразие данной задачи мы видим в том, что семантическое описание с самого начала должно строиться как системное. Это значит, что предварительно выявленные структурные модели, представленные достаточным количеством фразовых «образцов» (карточек), сгруппированных и расположенных по принципу минимизации структурных (формальных) различий, потребуют от исследователя не только уловить смысловые расхождения моделей, обусловленные этим минимальным различием, но и сформулировать их предельно четко. А это и значит, что в процессе этой работы непременно будет отбираться и терминологизироваться «словарь семантического описания».

Мы не хотим воскрешать и вновь обсуждать вопрос об изоморфизме двух сторон знака и об отсутствии такового. Но мы глубоко убеждены, что в сфере синтаксиса предложения, может быть, больше, чем в какой-то другой сфере языка, отношения между структурной моделью и ее синтаксической семантикой, освобожденной от лексической нагрузки, приобретают характер достаточно непосредственной обусловленности. Оговоримся только, что эта обусловленность далеко не всегда может быть объяснена конкретной природой формального различия, - но тем не менее она регулярно «следует» за фактом наличия некоторого различия в структурных моделях родственного типа. На сегодняшний день для уйгурского языка составлена коллекция основных ядерных моделей простого предложения, формула которой представлена в виде математической дроби, в числителе ее отражается ее структурная схема предложения, а в знаменателе – семантическая структура, то есть пропозиция как мыслительная модель свойственная данному языку.

Следующая проблема, стоящая перед исполнителями системного модельного описания предложений уйгурского языка, состоит в формировании и обосновании теоретической концепции варьирования синтаксических моделей. В соответствии с этой концепцией должно выявляться и фиксироваться в описании варьирование каждой конкретной модели данного языка. Имеющийся у нас опыт, пока еще весьма небольшой, показывает тем не менее, что варьирование разных моделей предложения даже в одном языке бывает весьма разноплановым: например, содержательные и формальные варианты моделей – явления очень разные. Но, кроме того, разные языки тоже дают в этом отношении существенно разные картины, которые и сами по себе каждая, и в отношениях друг к другу требуют серьезного теоретического осмысления. Так, например, в тюркских языках, где имеется относительно полный набор основных «субъектно-объектных» падежей, т.е. раздельно представлены неопределенный (основной, именительный), винительный, дательный (дательно-направительный), исходный и творительные падежи, а

также местный (способный, хотя и редко выполнять роль облигаторного актанта), достаточно четко определяются модели, описывающие основные типы процессуальных ситуаций с разными ролями предметных участников. Варьирование этих моделей может быть связано с «многозначностью» отдельных падежей, в силу чего соответствующая форма «вклинивается» на периферию «чужой» области действия (Например, неопределенный - в сферу винительного, прямого объекта), или с наличием специализированных падежей-дублей (например, несколько падежей прямого дополнения в уйгурском; частичный в русском: положи мне сахара (р.п.) – сахару (частичн. пад) и др), наличие конкурентных отношений между падежными и послеложными или между разными послеложными формами и многое другое.

Более сложный случай варьирования – чередования, точнее альтернативный выбор между формами дательного и винительного падежей субъекта в моделях каузированного действия, что часто (закономерно) бывает связано с пониманием каузации как позволения, допущение (дательный) или вынуждение (винительный). Здесь уже возникает вопрос, который может быть решен только в свете определенной теоретической концепции – если не чисто волевым способом: варианты это или близкие по смыслу модели – квазисинонимы?

Вопрос о границах категории варьирования синтаксических единиц (моделей) для своей адекватной постановки требует несравненно большей эмпирической базы, нежели та, которой мы располагаем на данном этапе работы. Однако уже сейчас видно, что он имеет две стороны: с одной стороны, требуются теоретически отработанные критерии для отнесения некоторого синтаксического объекта либо к числу вариантов моделей X, либо к другой модели Y. Иначе говоря, это вопрос о пороге, до которого мы имеем (берем себе) право пренебрегать отклонениями от исходного представления об образце, на за которым обязуемся усматривать в нем явление новой сущности. Вторая сторона – это «нижняя граница» варьирования. Вопрос состоит в том, какими различиями синтаксических форм и смыслов на уровне модельного описания мы обязаны просто пренебрегать, сводя тем самым формы к безусловному «модельному» тождеству, и где начинаются расхождения, которые должны оцениваться как варьирование моделей. Этот вопрос вплотную смыкается со следующей очень важной и перспективной теоретической проблемой, которую с особенной остротой ставит модельный подход к описанию предложения: это проблема парадигматики предложений.

В лингвистической литературе, не говоря уже о научно-философской, накоплено множество определений, толкований и пониманий термина «парадигма». Поэтому, чтобы не вступать в дискуссии, которые были бы сейчас совсем неуместны, просто поясню свое понимание, непосредственно восходящее к традиционному пониманию парадигмы в грамматике. Парадигма для нас – это прежде всего система «грамматических мест», совокупность которых составляет некоторую языковую единицу. Так, парадигмы спряжения и склонения задают такие единицы языка, как глагол (для русского языка разные парадигмы дифференцируют разнородные глаголы) и существительное; русское прилагательное имеет свою систему грамматических мест. Соответствующая парадигма характеризует (и выделяет, противопоставляет другим) и каждую отдельную лексему данного класса, например, глаголы язмак, кол коймак, имзалимак - как разные слова, ибо у каждого своя система грамматических мест частеречной парадигмы.

Соответственно этому пониманию естественно ожидать, что и предложения как единицы языка должны иметь свои «системы грамматических мест», форм, совокупность которых и есть сама данная единица. Однако «алгебраичность» синтаксиса затрудняет проникновение в эти закономерности и осмысление их. Едва ли не главная, во всяком случае первая помеха на этом пути – то, что мы видим обычно только две крайние, полярные точки: модель, которую сами уже записывали в символах, т. е. свели к единству, тождеству самой себе – и разноголосицу фраз, в которых она является нам и где мы не видим никакого тождества, кроме того, что зафиксировано в модели.

Конечно, любой школьник, тем более студент - филолог укажет на такие грамматические различия этих форм, которые не нарушают этого тождества, - например,

времена, наклонения, лица аспектуальные характеристики глаголов, отрицание, восклицательность и некоторые другие. В тюркских языках сюда добавляются «векторные характеристики» (в чью пользу, свою или чужую, совершается действие) в уральских – субъектный или объектный тип спряжения и некоторые другие. Но должны ли мы отождествлять такой ассортимент форм глагола того или иного языка с парадигмой предложения? Как ни важен глагол для бытия предложения, предложение не сводимо к глаголу. И об этом очень ясно свидетельствует сам факт разнообразия моделей предложения в каждом языке.

Нам кажется, что модельный подход к предложению ценен, помимо много другого, как раз тем, что он позволяет нам увидеть и осознать синтаксическую единицу именно как единицу, как «отдельность», подобную отдельной фонеме или отдельному слову. А если мы это ощутим и поймем, то и вопрос о парадигме предложения превратится в вопрос о парадигмах предложений: как у разных местоимений, у разновидовых глаголов, у разных групп существительных могут быть свои парадигмы, в том числе и сведенные к какой-то единственной форме (например, пальто) так же они могут, и даже должны быть разными у разных моделей предложения.

При поиске системы форм, составляющих парадигму (или лучше - форм, которые мы представим как систему и назовем парадигмой данной модели) нужно всегда держать в памяти элементарное, но часто ускользающее от внимания обстоятельство: парадигма модели никак не сводима к парадигмам отдельных фраз, - а тем самым и отдельных глаголов. Так, виды мы признаем разными словами, но вербальные модели совершенно безразличны к появлению любой из них. Точно так же в тюркских языках в роли сказуемого в таких моделях выступают и простые глаголы, и сложные, передающие самые разнообразные характеристики действия. Виды, формы и смыслы глагольных сказуемых в алтайских языках, как показывают исследования тюркологов, исключительно многообразны, - но это многообразие не влечет за собой существенной перестройки системы моделей предложения, которая представляет собой стабильный, прочный каркас синтаксического строя.

Как и сама модель, все ее парадигматические формы свободны от лексического наполнения, они могут (должны) характеризоваться только теми признаками, которые мы сами припишем им, после того как проведем анализ и убедимся, что эти признаки существенны действительно под данным углом зрения. Какие именно это будут признаки, в каком отношении они будут находиться к грамматическим и лексико-грамматическим категориям глагола, к лексико-грамматическим группировкам и так далее, в какой мере они окажутся «минующими глагол», т.е. касающимися актанта, - эти вопросы потребуют активного обсуждения, когда будет собран и первично обработан, осмыслен разноплановый, разноязычный эмпирический материал.

Пока такой материал только накапливается, нам хотелось бы высказать одно общее соображение на этот счет. Нам кажется, что если парадигма предложения сведется к парадигме глагола, пусть в весьма широком ее понимании, то само это понятие в системе синтаксиса окажется избыточным и потому неинтересным. Специальный вопрос должен представлять для нас именно те модели, парадигмы которых специфичны, «укорочены» или, наоборот, «расширены» по сравнению с другими. И только когда мы увидим систему парадигм предложения языка, а тем более сравним ее с аналогичными данными по другим языкам, мы получим возможность сформировать содержательное теоретическое представление о парадигматике предложений.

Литература

1. Абдуллаев С.Н Структурно–семантические модели простого предложения. – Бишкек, 2004.
2. Черемисина М.И. Проблемы системного описания моделей синтаксических единиц. –Новосибирск, 2002.